

СЕМЕЙНЫЙ САСПЕНС

ДЖУДИ ФИННИГАН
ЭЛОИЗ

Москва
2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(4Вел)-44
Ф60

Judy Finnigan
ELOISE

Copyright © Judy Finnigan 2012

Перевод с английского *Светланы Чулковой*
Художественное оформление *Марии Коняевой*

Финниган, Джуди.
Ф60 Элоиз / Джуди Финниган ; [пер. с англ. С. Чулковой]. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-094768-3

Кэти тяжело переживает смерть близкой подруги Элоиз — самой красивой, интересной и талантливой женщины на свете. Муж Кэти, психиатр, пытается вытащить жену из депрессии. Но терапия и лекарства не помогают, Кэти никак не может отпустить подругу. Неудивительно, ведь Элоиз постоянно приходит к ней во сне и говорит загадками, просит выяснить некую «правду» и не верить «ему». А потом и вовсе начинает мерещиться повсюду. И тогда Кэти начинает сомневаться: на самом ли деле ее подруга мертва?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-094768-3

© Чулкова С., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

*Ричарду со всей моей любовью и благодарностью за его терпение, поддержку и энтузиазм, особенно в те моменты, когда я думала, что никогда не закончу эту книгу.
Я люблю тебя*

Пролог

Она привиделась мне вчера. Я любовалась с террасы морем, подставив лицо солнышку. Этот февральский день выдался необычайно теплым. На куст сирени опустилась бабочка, трепеща крыльями, и вдруг повеяло духами Элоиз — нежный, ускользающий аромат. Розовая шелковая косметичка в моей прикроватной тумбочке хранит его. Я провела пальцами по бусам, что надела сегодня: может, все дело в них? Они принадлежали Элоиз, и ее мать отдала их мне на память. Я хранила бусы в той самой косметичке.

Едва заметное движение. Старую деревянную лодку приспособили под скамейку, поставив ее на попа в самом прохладном уголке сада. Между лодкой и лавандовым кустом плясали яркие блики. Как ее летящая на ветру одежда, красная юбка, шелковый цветастый шарф... Ведь именно так она любила одеваться.

Я знала, что никакой Элоиз там не было. Это невозможно, ведь я видела ее в гробу две недели назад. А вокруг были расставлены ароматические свечи. Ее любимые.

Она упокоилась в корнуоллской земле.

И уже никогда не вернется.

Глава первая

Здесь, в Корнуолле, море порождает причудливые туманы. К тому времени, когда мы вернулись в Тэлланд Бэй¹, в густой дымке уже ничего нельзя было разглядеть дальше нескольких ярдов. Море слилось с серым горизонтом: размытые силуэты деревьев нависали над крутыми и скользкими ступеньками, ведущими вниз к нашему домику. Войдя внутрь, мы включили свет. Крис принес дров из-под навеса с соломенной крыши. Огонь разгорелся, я присела на ковер и устала на пылающие поленья, пытаюсь погрузиться в былой покой, когда я сидела вот так же вместе со своими маленькими детьми. Я уже надела на них пижамы, и они лежали, положив головы мне на колени, и мы играли перед сном — отгадывали картинки, которые рисовал нам огонь. Мы видели пещеры, заполненные красными сияющими драгоценными камнями, или темный-темный лес с домиком, в котором живет ведьма; сказочный замок принцессы и много других завораживающих видений, от которых невозможно было оторвать взгляда.

Крис принес еще дров и сложил их в большую корзину возле камина, а я все смотрела на огонь,

¹ *Тэлланд Бэй* — западная часть г. Лу, графство Корнуолл, Великобритания. (*Здесь и далее прим. пер.*)

но мне мерещились лишь темные надгробия, тлен да пожираемые пламенем гробы.

Я чувствовала, что Крис с беспокойством наблюдает за мной, но притворилась, будто не замечаю этого. Он наполнил два бокала красным вином и протянул мне один. Горестно вздохнув, присел на диван за моей спиной.

— Кэти, может, хватит? Зачем ты так истязашь себя? Хочешь опять упасть в депрессию? Я уже и сам не рад, что привез тебя. Все-таки после похорон Элоиз прошло слишком мало времени. И не надо мне было отпускать тебя.

— Что значит «отпускать»? — возразила я, стараясь убрать нотки напряжения в своем голосе.

— Но ты же понимаешь, что я беспокоюсь за тебя, — терпеливо втолковывал Крис.

— Да не надо за меня беспокоиться, Крис. И знаешь, что-то не очень верится. Потому что если бы тебе *действительно* было не все равно, ты бы не выговаривал мне. Мог бы по крайней мере поинтересоваться, что со мной не так. Но вместо этого ты просто занудствуешь.

— Кэти, *я знаю*, что с тобой не так. Элоиз не стало. Мы знали много лет, что рано или поздно это произойдет. Да, это очень и очень грустно и даже чудовищно. Умереть такой молодой... Но *никто* из нас, ни ты, ни кто-либо другой, не смог бы предотвратить неизбежное. Поэтому отпусти ситуацию. Нервы у тебя — не железные.

— Сказал мой домашний психиатр, — горько усмехнулась я. — Слушай, Крис, может, не стоит практиковаться на своих?

— Господи, Кэти. Я понимаю, что ты вконец вымоталась...

— Именно! У меня умерла подруга, радоваться тут нечему, а ты сразу записываешь меня в психи. Ну-ну, доктор Фрейд. Если уж поставил диагноз, то пожизненно.

Я гневно вскочила на ноги.

— Все. Я пошла спать.

Крис тоже встал, взял меня за руки и произнес:

— Кэти, не заводись. Скажи, что *именно* делает тебя такой несчастной.

— Мне страшно, потому что Элоиз умерла, а ведь мы с ней ровесницы. Я надеялась, она выкарабкается.

Крис тихонько потряс меня за плечи.

— Да на что было надеяться, Кэти? Никто из нас не верил в чудо, признайся. Мы просто притворялись перед ней, пытаюсь поддержать. У тебя нет причин бояться. В том, что люди умирают, нет ничего ужасного. Рано или поздно это произойдет и с нами.

Я знала, что Крис прав. Но его спокойствие и рассудительность не означали, что все было нормально. Мне было действительно страшно — но не из-за того, что есть смерть. Нет, дело в другом. Что-то было совсем неправильно. Что же так терзало мою душу? Я не знала, не могла найти слов, чтобы описать свои ощущения. Стоит мне поделиться своими страхами с Крисом и сказать слово «предчувствие», он опять решит, что я в депрессии.

Элоиз проболела пять лет. Рак у нее обнаружили через полгода после того, как она родила доче-

рей-двойняшек. Поначалу она думала, что это застой молока, но ей диагностировали злокачественную опухоль. Потом была операция, химиотерапия. Левую грудь отняли, но опухоль не исчезла, поразив правую грудь. Видя озабоченные лица врачей, Элоиз перестала к ним ходить и стала жить в своем выдуманном мире.

Она начала читать книги по самопомощи, которые говорили, что корень болезни кроется в гневе и что она выздоровеет, если избавится от него. Она ходила к целителям и ездила в Европу на воды в надежде на чудо. Она воздвигла храм отрицания, уверовав, что излечится при помощи кофейных клизм и зеленого чая. А мы — ее муж, мать и близкие друзья — к собственному стыду, подыгрывали ей. Сокрушенные жалостью, мы боялись ранить ее, отнять надежду. Элоиз выдумывала самые невероятные способы лечения, а мы просто молчали. Она не ходила на обследования, она не желала ложиться в больницу. А мы позволяли себе думать, что поддерживать в ней бодрость духа важнее, чем заставлять ее лечиться как положено.

Целых пять лет Элоиз казалась непобедимой. Красивая, полная энергии, она верила и, черт возьми, почти заставила поверить нас, что она будет жить.

Конечно, она ошибалась.

Глава вторая

Я поднялась в спальню, а Крис остался внизу, чтобы загасить камин и запереть дом.

Я выдвинула ящик прикроватной тумбочки, и комната тут же наполнилась ароматом ее любимых духов. Я открыла шелковую косметичку и достала браслет из эмалированных бусин, расписанных рунами, который ее мама подарила мне в пару к бусам. Я сжала его в руке, представляя себе недовольное лицо Криса. Он опять скажет, что это паранойя. Я не стала его ждать и заснула.

Этот кошмар не отпускал меня вот уже сколько лет. Я пыталась скрыться от него — и не могла. Провалившись в сон, я опять увидела все тот же мрачный пейзаж. Вдоль его кромки клубился туман. Опять нахлынула черная тоска, и в такие моменты я боялась сойти с ума. Черный готический ужас, переживаемый мной во сне, свидетельствовал о возвращении депрессии.

Мне снилось, что я стою на берегу океана. Я видела свою маленькую фигурку — далеко, далеко, под темным беззвездным небом, в тусклом свете высокой луны. Человек, похожий на тень, с медленной и торжественной размеренностью катил перед собой по песку больничную каталку. Лицо человека было скрыто капюшоном. За спиной его

простиралось тихое море в мерцающей оправе лунного света. Вглядевшись, я увидела, что на каталке стоит гроб.

Гроб был без крышки и внутри обит белым шелком. Там лежал мой отец. Когда облака и туман рассеялись, его острое лицо, иссушенное раком, осветилось мертвенно-бледным сиянием. Из труб, которых я раньше не замечала, вырвались всполохи огня.

Этот сон впервые приснился мне двадцать лет тому назад, когда умер мой отец.

Десятки склепов, которыми был усеян склон горы. То были склепы эпохи Средневековья, но сон дорисовал их по-своему, добавив огненный кошмар, словно в них находится путь в преисподнюю.

Но когда брэнное тело отца удалялось к жерлу печи, я отчетливо понимала, что в конце концов он окажется не в этом адском пламени, а где-то далеко-далеко — там, где заканчивается ровная бесконечность океана. А человек с лицом, скрытым капюшоном, и был тем самым лодочником, которому предстояло переправить отца в царство мертвых.

Я проснулась, и сердце мое трепетало, кровь стучала в висках. Я вспомнила похороны отца, как его кремировали и как потом месяцами мне снился этот сон — его торжественный уход через пески туда, откуда не возвращаются. Иногда мне снилось, что я в доме родителей и спускаюсь вниз по лестнице — ищу пропавшего отца. И нахожу его скрюченного в камине — наполовину обгоревшего. В такие ночи я просыпалась, дрожа от страха. Я звала свою мать, а Крис гладил меня, пытаясь успокоить, и я плакала у него на плече.

Мой дорогой Крис, мой сильный и заботливый муж. Конечно, теперь он волнуется за меня, прекрасно помня, как я задыхалась от страха, почти в безумии. Господи, я не хочу, чтобы весь этот ужас повторился. Все-таки Крис прав — нужно избегать отрицательных эмоций, которые могут спровоцировать депрессию. Завтра же вернемся в Лондон, хоть и должны были бы увидеться с Тедом, мужем Элоиз — теперь правильнее говорить «вдовцом», — отцом двух маленьких дочерей. Может, позвонить ему прямо сейчас? Днем мы не застали их дома, и я просто погуляла по их саду. С чего я решила, что у меня есть силы общаться с ними? Они куда-то отъехали, и слава богу, хотя меня немного мучает совесть.

Но теперь я хочу уехать из Корнуолла, в котором каждое утро было ясным, независимо от времени года. Даже на Рождество здесь над тропинкой сада порхают бабочки. В ноябре на нашей лужайке появляются нарциссы, и зимой они все такие же золотисто-желтые — им все нипочем. В солнечные дни море тут синее-синее, в золотых бликах. Когда небо хмурится, вода становится оловянно-серого цвета. Но волны в белых барашках бьются о берег, и душа просветляется и поет, и не хочется думать ни о чем плохом, видя всю эту красоту.

Воздух Корнуолла переполнял мою душу счастьем и покоем. Он был моей тихой гаванью вот уже двадцать лет, и мы запланировали эту поездку еще до смерти Элоиз. Мы хотели оторваться от лондонского дома, побыть вдвоем, пока наши мальчики разъехались по университетам, а дочка отправилась на лыжный курорт вместе со сво-

им классом. Но вот Элоиз умерла, и меня накрыли мрак и смертная тоска. Ужаснее всего было то, что моя подруга словно тянула меня в пропасть, внушая тягостные мысли, тревожа мое воображение.

Крис уже спал. Я обхватила его руками. Он такой сильный, теплый человек. Завтра утром надо будет извиниться. Скажу, что и вправду пора домой.

Утром я попросила прощения у мужа. Он был так мил — радовался, что я снова весела. Поэтому после завтрака он переспросил — может, я передумала ехать в Лондон? Он с надеждой посмотрел в окно: небо над Корнуоллом было ясным и чистым как слеза. Он сказал, что по радио объявили лондонскую погоду — там опять заладили дожди. А тут такая красота, что все мои вечерние страхи как рукой сняло.

— Давай махнем на пляж в Полкеррис, — предложил Крис. — Такой хороший день. Что нам делать в дождливом Лондоне?

Конечно, он прав. Нужно напитаться солнцем, морским воздухом, чтобы отогнать ночные кошмары. Я посмотрела на Криса и кивнула. Он улыбнулся и поцеловал меня в макушку.

Мы вышли из дома в сад. Вдыхая соленый воздух, я воспряла духом и вдруг вспомнила про кафе «Тэлланд Бич». Интересно, открыты ли они в это время года? Курортный сезон обычно начинается после Пасхи, но хозяйева — молодая пара — вполне могут сделать исключение в хорошую погоду, особенно если она придется на выходные. Да, мы ходим туда ближе к вечеру и выпьем по чашке чая, решила я. А пообедать можем в Полкеррисе или Фоуи.